

Голос Янь Цюсы эхом разносился в воздухе.

В одно мгновение между небом и землей вспыхнул ослепительный серебряный свет. Какая-то сила принялась неистово высасывать Дэвную Силу из тела Линь Цинбая. Тот опустил взгляд и увидел, как его внутренняя энергия превращается в тонкие серебристые нити, которые вырывались из его шеи, сплетались в жгуты и устремлялись прямо в правую руку Янь Цюсы.

Получив духовную силу Линь Цинбая, Янь Цюсы мгновенно окутался всплеском Демонической энергии, а его прежде черные, бездонные глаза окрасились в кроваво-красный цвет.

Внезапно содрогнулись небеса и земля, почва пошла трещинами, с Горного хребта Пожирания Душ посыпались камни, а из Обрыва Разбитых Душ донесся ужасающий вой. В то же самое время в небе возник огромный красный магический массив. Напоминая собой гроб, он с гулким грохотом накрыл весь хребет.

Янь Цюсы поднял левую руку — один край красного массива прогнулся и словно втянулся в его ладонь. В следующее мгновение он резко дернул рукой вниз: красный Барьер сместился на дюйм, и небеса вслед за ним обрушились на тот же дюйм!

Линь Цинбай широко открыл глаза, сердце его содрогнулось. Он никак не ожидал, что Янь Цюсы владеет древней запретной техникой — Обрушением Небес и Расколом Земли.

Само название говорило за себя: это заклинание обладало чудовищной мощью. Небеса рушились, земля раскалывалась, и когда массив завершал свое действие, небо и земля сливались воедино, поглощая всё сущее — каждый, кто оказывался внутри, превращался в кровавое месиво, и никто не мог уцелеть. Лишь Обрыв Разбитых Душ, уходящий вглубь на десятки тысяч чжанов, оставался исключением — обитавшие там демонические твари могли выжить.

Линь Цинбай внезапно понял: они попались в ловушку! Янь Цюсы заранее подготовил массив на Горном хребте Пожирания Душ, чтобы заманить его туда, вытянуть его мощную Дэвную Силу и тем самым запитать заклинание. Он хотел утащить весь Род бессмертных за собой в могилу, превратив мир в свое надгробие!

Линь Цинбай всегда знал, что Янь Цюсы — безумец, и представлял, на какое отчаянное сопротивление тот способен, если загнать его в угол. Однако сейчас он понял, что недооценил врага: тот оказался способнее, безумнее, безрассуднее и кровожаднее, чем можно было вообразить.

Небеса раздавили защитный ледяной барьер Линь Цинбая. Метель, острая как лезвия, ворвалась внутрь. По земле поползли глубокие, бездонные трещины, люди начали падать в бездну, повсюду раздавались крики и паническое бегство.

Янь Цюсы парил в воздухе, его волосы разметались, а вокруг тела клубилась кроваво-красная

Ци Злобы. Среди неистовой бури он, сверкая алыми безумными глазами, почти прокричал Линь Цинбаю:

— Я никогда не считал, что был неправ! Линь Цинбай, ты вечно разглагольствуешь о великом Дао, строишь из себя святошу, но неужели на твоих руках крови меньше, чем на моих?!

— Каждый рождается с одной жизнью, и что не так в законе джунглей, где слабый становится пищей сильного?! Когда вы узнали, что демонические твари могут повысить уровень культивации, разве мало вы их истребили ради своей выгоды?!

— С чего вы взяли, что вы правы, а мы — нет?! Почему ваш Род бессмертных считает себя выше остальных?! Да кто вы такие вообще?!

Голос Янь Цюсы, полный обвинений, гремел над миром, пронзая слух. Линь Цинбай смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. В глазах врага он видел безграничную ненависть. Эта кроваво-красная ярость сопровождала ток духовной силы, и каждый сосуд на теле Янь Цюсы проступил отчетливым алым узором. Это был след человека расы демонов, высвободившего весь свой потенциал до последней капли!

Янь Цюсы посмотрел на Линь Цинбая холодным, как вековой лед на дне Обрыва Разбитых Душ, взглядом и напоследок бросил:

— Линь Цинбай, сдохни.

Сказав это, он запрокинул голову, и его кости издали хруст; кроваво-красный цвет залил даже его шею. Он взревел, жилы на его теле вздулись, и он из последних сил потянул Барьер вниз.

— А-а-а-а!!!

Вокруг послышался скрежет вращающихся шестерен. Небо и земля начали стремительно смыкаться, вращаться и переворачиваться! Крики людей, вой демонических тварей из глубин обрыва, какофония искаженных звуков наполнили уши Линь Цинбая, отчего его голова готова была расколоться.

Линь Цинбай стиснул зубы и, преодолевая адскую боль, с трудом выдавил из себя три слова:

— Цепь! Уз! Оков! Демона!

С этим возгласом небеса мгновенно изменились: их затянуло бескрайними черными тучами, которые клубились, словно гигантские волны, готовые поглотить всё живое. Одновременно с этим из облаков ударили молнии, сопровождаемые оглушительным грохотом.

Дрожащей рукой Линь Цинбай указал на Янь Цюсы. Тот же смотрел на него с полным неверием. Не колеблясь ни мгновения, Линь Цинбай скомандовал:

— Сковать!

По его приказу тысячи электрических разрядов, острых как стрелы, с неодолимой силой обрушились на красный Барьер. Они буквально пробили трещины в пропитанной злой энергией преграде и устремились к Янь Цюсы. Как только молнии коснулись его, они мгновенно спеленали его руки и ноги.

В одно мгновение ход битвы изменился. Серебристый ток потек по жилам Янь Цюсы, и ярко-красное свечение в его каналах погасло, словно огонь, залитый водой. Янь Цюсы беспомощно метался между небом и землей, сдирая кожу в кровь в тщетных попытках вырваться, но это была Цепь Уз Демона. Стоило представителю расы демонов коснуться ее, как вся его Дэвная Сила оказывалась заблокированной — даже обладая безграничным могуществом, он становился не сильнее обычного смертного.

Хотя Янь Цюсы лишился сил, механизм смыкания небес уже был запущен. Красный Барьер продолжал вращаться, медленно опускаясь вниз. Остановить это можно было, лишь убив того, кто создал заклинание.

Линь Цинбай завис в воздухе и, подняв руку, позвал:

— Юй Чи!

В черных тучах над головой появилась щель, сквозь которую пробился ослепительный луч света. Свистнув, белый лук, скользя по лучу, послушно лег в ладонь Линь Цинбая. Лук казался выточенным из чистого нефрита, его корпус переливался золотисто-серебряным сиянием, источая устрашающую Дэвную Силу.

Линь Цинбай взял лук в левую руку, а правую поднял высоко вверх. Золотая молния ударила прямо в его ладонь; перехватив ее, он наложил молнию на лук вместо стрелы. Ветер трепал его одежды, взгляд был холодным и острым, а наконечник стрелы указывал точно в грудь Янь Цюсы.

Даже в этот момент Янь Цюсы смеялся. Его растрепанные волосы свисали вдоль лица, по подбородку текла кровь, и он с усмешкой сказал Линь Цинбаю:

— Кто бы мог подумать, что distinguished Бессмертный почтенный Цинъюань тоже владеет древней запретной техникой.

В следующую секунду, не дожидаясь ответа, стрела сорвалась с тетивы. Раздался глухой звук прорываемой плоти — молния прошла грудную клетку Янь Цюсы насквозь.

Сквозь кровавый туман Линь Цинбай увидел, как улыбка на лице врага наконец застыла. В то же мгновение содрогание земли прекратилось, красный Барьер затрещал, покрылся сетью трещин и с грохотом рассыпался красной пылью, оседая на землю, словно лепестки цветов. Тело Янь Цюсы медленно поплыло вниз и с глухим ударом упало на снег.

Стрела Линь Цинбая пробила Духовную Пиллюлю Янь Цюсы.

Вероятно, почувствовав, что Император демонов близок к смерти, твари в Обрыве Разбитых Душ взвыли так, что звук, казалось, пронзил небеса; они явно готовились очнуться от спячки. Воины Рода бессмертных обнажили мечи, выстроились в ряды и замерли в готовности. Если демоны сейчас вырвутся наружу, им осталось бы жить не более пяти дней, но если они решат вступить в отчаянный бой с бессмертными — исход мог стать непредсказуемым.

В момент всеобщего напряжения тело Янь Цюсы на снегу вдруг шевельнулось. Одно это незначительное движение заставило воинов содрогнуться, они с надеждой уставились на Линь Цинбая. Тот же просто стоял, глядя на врага издалека.

Янь Цюсы был тяжело ранен, весь в крови, лицо его превратилось в кровавое месиво, но он, опираясь на землю, с трудом поднялся на ноги. Он побрел вперед, оставляя на снегу кровавые следы с каждым шагом. Дойдя до края Обрыва Разбитых Душ, он прижал одну руку к груди. В ладони блеснул слабый красный свет, и он с силой вогнал пальцы в рану на своей груди. Обильные потоки крови хлынули сквозь пальцы.

Когда Янь Цюсы разжал ладонь, из нее вылетела поврежденная Духовная Пиллюля и зависла над обрывом. Она начала быстро вращаться, внезапно рассыпалась на множество красных искр и дождем пролилась на Барьер Обрыва Разбитых Душ.

Благодаря Духовной Пиллюле Императора демонов Барьер укрепился настолько, что никто не мог его взломать. Демонические твари, ощутив присутствие своего повелителя, постепенно стихли и вновь погрузились в спячку.

На Горном хребте Пожирания Душ по-прежнему неистовствовала метель, а Янь Цюсы подкосился и рухнул на колени у самого края обрыва, больше не шевелясь.

Линь Цинбай очнулся от сна, тяжело дыша. Этот сон был слишком четким, реалистичнее всех предыдущих — настолько, что даже кровь на снегу после смерти Янь Цюсы казалась пугающе настоящей. Вокруг стояла крошечная тьма, сердце бешено колотилось. Возможно, от нервного перенапряжения у него наступила временная слепота.

Он начал ощупывать пространство вокруг, пока не коснулся теплой маленькой ладошки Си Аня. Крепко сжав ее, он перевернулся и прижал ребенка к себе. Лицо Си Аня коснулось его сердца, и, ощутив привычное тепло, Линь Цинбай почувствовал, как тьма перед глазами постепенно рассеивается, а ритм сердца приходит в норму.

В который раз уже... В который раз ему снится день смерти Императора демонов?

Как ни странно, Линь Цинбай убил бесчисленное множество злых духов и демонических лордов. Как и говорил Янь Цюсы, его руки были по локоть в крови. Он всегда считал, что избавляет народ от бед, и его совесть была чиста — он никогда не видел подобных снов. Но после смерти того юноши кошмары не отпускали.

Ему снилось, как тот юноша в безумии кричал, обвиняя его в каждом слове. Снилось, как тот, лишенный чувств и привязанностей, в предсмертный час из последних сил встал, вырвал собственную Духовную Пилюлю и защитил свой народ. Снилось, как он падал на колени в снег с безмятежным лицом, а кровь не переставала течь. И чаще всего ему снилось, как те некогда яркие черные глаза смотрели на него с ненавистью, готовой превратить его в пепел!

В этот момент ресницы Си Аня дрогнули, он открыл глаза. Рука Линь Цинбая сжимала его слишком сильно, причиняя боль. Он зашевелился и пробормотал сонным голосом:

— Учитель...

Линь Цинбай разжал объятия. Заметив испарину на лбу учителя, Си Ань мгновенно проснулся и потянулся рукой, чтобы вытереть холодный пот.

— Учитель, что с вами? Хотите горячей воды?

Линь Цинбай покачал головой, не отрывая взгляда от Си Аня. В его глазах он видел лишь глубокое беспокойство. В этот момент Линь Цинбай почувствовал себя необычайно спокойным. Иногда ему казалось, что глаза Си Аня чем-то похожи на глаза Янь Цюсы — оба обладали этим юношеским, пылким взглядом. Но если в глазах Янь Цюсы сквозила лишь колючая кровавая ненависть, то когда на него смотрел его ученик, он видел лишь чистейшее озеро, полное заботы и нежности, без единой примеси.

Линь Цинбай внезапно захотел узнать мнение Си Аня об этом событии.

— Ань-эр.

— Да, учитель, что случилось?

— Ты понял историю, которую сегодня рассказывал сказитель?

— Понял.

Линь Цинбай помедлил, голос его дрогнул от редкой неуверенности:

— Как ты считаешь, правильно ли поступил Бессмертный почтенный Цинъюань, убив Императора демонов?

Задав вопрос, Линь Цинбай замер в ожидании. Сердце его учащенно билось. Впервые он искал ответа, который успокоил бы его, у ребенка.

Си Ань на мгновение замер, склонил голову и с улыбкой переспросил:

— А как считает учитель? Должен ли он был его убить?

Линь Цинбай выпрямился:

— Я спрашиваю тебя, не смей кривляться.

Си Ань стер улыбку с лица. Помолчав немного, он посмотрел на Линь Цинбая и сказал:

— Я думаю, он заслуживал смерти.

Услышав этот ответ из уст Си Аня, Линь Цинбай почувствовал, как камень упал с его сердца. Он опустил взгляд, с облегчением моргая, но вдруг услышал, как Си Ань совсем тихо спросил:

— Учитель, мой ответ верный?

Линь Цинбай снова посмотрел на Си Аня и увидел в его глазах тот же пыливый взгляд. Он напоминал Линь Цинбаю момент, когда он проверял у него домашнее задание, а Си Ань, боясь ошибиться, осторожно спрашивал, правильно ли он понял смысл текста. Стоило Линь Цинбаю дать хоть каплю одобрения, как глаза мальчика начинали радостно сиять. В этот раз Линь Цинбай, как обычно, ответил:

— Да, ты прав.

Глаза Си Аня блеснули. Они были очень яркими, но теперь смотрели на учителя с какой-то отстраненностью. Он не улыбнулся, как обычно, лишь спустя долгое время опустил глаза и глухо усмехнулся:

— Значит, учитель тоже считает, что он заслуживал смерти...

В комнате воцарилась тишина. Было еще рано, и сон отнял у Линь Цинбая немало сил. Он погладил Си Аня по голове:

— Еще рано, поспи еще немного.

Голова Линь Цинбая отяжелела, он закрыл глаза, и вскоре его дыхание стало ровным.

Си Ань же не спал. Дождавшись, когда Линь Цинбай погрузится в глубокий сон, он медленно приподнялся и с ненавистью уставился на учителя. Линь Цинбай лежал рядом, глаза его были закрыты, шея была тонкой и бледной, а кадык мерно вздымался при дыхании.

Си Ань не сводил глаз с его шеи. Он достал из рукава крошечную железную пластинку и слегка нажал на нее — с тихим щелчком из нее выскочила стальная игла. Си Ань крепко сжал иглу, поднеся ее острие к нежной коже шеи Линь Цинбая, и в его глазах вспыхнул кровожадный огонек.

— Даже он считает, что ты заслуживаешь смерти, так зачем ты его жалеешь?

— Ты к нему так добр, а он!

— Чем он лучше тех лицемеров? Он тоже должен умереть!

— Убей его!

— Убей его!

— Убей его!

Голос снова вернулся, доносясь словно из самой бездны, эхом отдаваясь в голове Си Аня. Он прищурился, в его глазах вспыхнул алый свет. Уголки его рта изогнулись в холодной усмешке, и он с силой надавил на запястье.

Да. Все в этом мире, кто считает, что он заслуживает смерти, — умрут. Никаких исключений.

В тот момент, когда стальная игла почти проколола кожу, рука Линь Цинбая, сжимавшая руку Си Аня, вдруг крепче сжалась. Си Ань вздрогнул, и рука его замерла.

Линь Цинбаю, должно быть, снова приснился кошмар: на его лбу выступили капли холодного пота, брови сошлись к переносице, и он с трудом прошептал два слова:

— Ань-эр...

Си Ань застыл, и та бешеная жажда убийства, что klokотала в его душе, мгновенно утихла под воздействием одного лишь имени. Он окинул Линь Цинбая взглядом и медленно отвел иглу от его шеи.

Пусть будет так.

Убивать среди бела дня неудобно — потом всю постель от крови не отчистишь. Дождется глубокой ночи, тогда и сделает свое дело. В конце концов, те, кого он собирался убить, никогда не доживали до рассвета.

В то время как Си Ань размышлял, в дверь яростно постучали, и снаружи раздался встревоженный голос слуги:

— Ванъе! Случилась беда!

<http://bllate.org/book/22078/2295865>